

ЛИНА
Мак

МАСТЕР-КЛАСС:

как ~~убить~~ Влюбить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БАНДИТА

Лина Мак

Мастер-класс: как (убить) влюбить бандита

<https://litres.ru/74198234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь такая странная штука, что никогда не знаешь, откуда прилетит новый сюрприз. Это как гадать, упадёт тебе на голову кирпич или нет. Ну или задумываться о смысле бытия.

Эта история о том, как я поняла, что любить и убить можно хотеть с одинаковой силой. До трясущихся рук, до мушек перед глазами, до фейерверков в голове, ну и между ног, чего уж стеснятся. Все мы люди взрослые! Что все мои уроки и психологические приёмы рушатся в моменте, когда на пороге появляется тот самый мужчина. А ведь я его уже не жду. И без них мне хорошо!

Кто бы мне сказал сразу какой путь мне предстоит пройти, я бы наверное. Хотя лучше помолчу. Сами всё узнаете. Так даже интереснее будет!

Ах да, меня зовут Валентина Королёва и это моя история о самом запоминающемся мастер-классе в моей жизни!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лина Мак

Мастер-класс: как (убить) влюбить бандита

Глава 1

Жизнь такая странная штука, что никогда не знаешь, откуда прилетит новый сюрприз. Это как гадать, упадёт тебе на голову кирпич или нет. Ну или задумываться о смысле бытия.

И вот вроде весна на улице и должна приносить в жизнь обновление, возрождение после зимы, радость, счастье, теплые деньки... Ой, хватит!

Эта история о том, как я поняла, что любить и убить можно хотеть с одинаковой силой. До трясущихся рук, до мушек перед глазами, до фейерверков в голове, ну и между ног, чего уж стеснятся. Все мы люди взрослые! Что все мои уроки и психологические приёмы рушатся в моменте, когда на пороге появляется тот самый мужчина. А ведь я его уже не жду. И без них мне хорошо!

Кто бы мне сказал сразу какой путь мне предстоит пройти, я бы наверное... Хотя лучше помолчу. Сами всё узнаете. Так

даже интереснее будет!

Ах да, меня зовут Валентина Королёва и это моя история.

Я стою у окна просторного зала и разглядывая собравшихся женщин. «Мастер-класс по обретению себя». Так называется тема сегодняшней встречи. Улыбаюсь дамам, ожидая припоздавших. Всегда даю десять-пятнадцать минут тем, кто задержался, не успел, забыл о времени или попал в пробку.

Женщины сидят рядами, разного возраста, разного телосложения, разного статуса, но каждая со своей болью, спрятанной за улыбками, брендами и макияжем. Кто-то нервно теребит браслет и осматривается вокруг, кто-то прячет покрасневшие глаза за тёмными очками, несмотря на пасмурный день, а кто-то сидит рядом с подругой или сестрой и просто держаться за руки. Причём одна смотрит прямо, а вторая голову опустила пониже и спину ещё согнула. Я знаю их истории наизусть, даже если они сами ещё не успели их сформулировать:

«Он обещал, но не сделал».

«Я всё делаю для него, а ему мало».

«Я столько вложила, а он ушёл к другой».

«Может, я просто недостаточно хороша?»

И самое страшно, когда приходят те, кто говорит: «Я ничего уже не хочу. Мне всё равно и на него, и на всё, что он делает. Хочу, чтобы меня все оставили в покое».

Таких я вижу парочку сегодня. Это отдельный вид женщин. Им поможет только полная перезагрузка или стресс такой силы, что они снова захотят жить.

Набрала в грудь побольше воздуха, кивнула своим помощникам, Зине и Русику, и поправив костюм и микрофон, пошла в центр. Четко поставленный голос, с мягкими, сочувствующими нотками, которому позавидовала бы любая гуру осознанности полился из колонок по углам зала.

— Дорогие дамы, добро пожаловать. Сегодня мы поговорим о том, как вернуть себе силу. Силу быть собой, силу выбирать, силу отпускать то, что вас не ценит.

Я медленно прошла вдоль первого ряда, заглядывая в глаза. Вижу, как они ловят каждое моё слово, как ищут во мне спасение, будто я волшебница, способная взмахом руки исправить их жизни. Бедняжки, они так хотят верить, что есть какая-то формула счастья. А её нет. Всё уже заложено в нас самих. А я... я просто научилась слушать и видеть намного больше, чем другие. Да и образование помогло.

Так, Вэл, продолжай. К тебе пришли за помощью, а не для того, чтобы смотреть на тебя красивую!

— Первый шаг к свободе, — говорю я чётко, — это признать: вы не обязаны нравиться всем. Вы не обязаны оправдывать чьи-то ожидания. Ваша ценность не измеряется тем, сколько мужчин в вас влюблены или сколько лайков под вашим фото.

И если до этого в зале были слышны перешёптывания, то

сейчас повисла тишина. Кто-то судорожно вздохнул. Я поймала взгляд молодой брюнетки в первом ряду и улыбнулась. В её взгляде четко читалось неверие, а учитывая то, насколько она ещё молоденькая, смею предположить, что эта красotka просто запуталась. И сейчас она живёт в режиме: «я буду всем показывать какая я, и точно найду своего принца»!

Я смотрю на них и вижу себя пятнадцать лет назад. Такую же потерянную, такую же жаждущую одобрения. Верящую, что если быть хорошей, послушной, красивой — то меня полюбят. Защитят. Сделают счастливой.

А потом был Денис. И его «ты слишком эмоциональна» и «мне нужно пространство». А потом он просто исчез однажды утром, оставив на подушке записку в три слова.

Потом я снова пыталась строить отношения. И снова. И снова... Но каждый раз во мне видели только ту с которой удобно, а не ту, которая тоже заслуживает счастья. Да и все, кто хотели строить отношения с женщиной у которой есть ребёнок свято верили в то, что они мне делают одолжение.

Вот тогда я и поняла, что если я сама себя не начну любить и ценить, никто за меня это не сделает. И я научилась. Научилась играть по своим правилам. Научилась брать то, что хочу, не прося разрешения. Научилась не винить себя за то, что другие не оправдали моих ожиданий.

А потом, когда я прошла очередной перелом в моей жизни я поняла, что таких как я сотни. И если я смогла справиться, значит и другие смогут, их просто нужно научить.

Теперь я учу этому других. Да, это бизнес. Да, я зарабатываю на их боли. Но я даю им инструмент — а что с ним делать, решают они.

— Давайте выполним упражнение, — я хлопнула в ладоши. — Закройте глаза. Представьте место, где вы чувствуете себя в абсолютной безопасности. Это может быть лес, берег моря, ваша детская комната — неважно. Почувствуйте эту энергию защищённости...

Я сделала паузу, наблюдая, как женщины послушно закрывают глаза, расслабляют плечи.

— А теперь скажите себе: «Я разрешаю себе быть неидеальной. Я разрешаю себе ошибаться. Я разрешаю себе выбирать себя». Повторите это три раза.

И по залу пошёл лёгкий гул шёпотков. Женщины начали повторять про себя слова. Некоторые заплакали, пряча лица в ладонях, некоторые только выше вздёрнули подбородки, но их боль стала будто живой.

Да, это больно. Признать, что принц не приедет. Что мама не скажет «ты лучшая». Что коллеги не оценят по достоинству. Но когда ты перестаёшь ждать одобрения извне — ты становишься неуязвимой. Потому что твоя опора теперь внутри.

Я не верю в сказки. Слишком больно жизнь меня учила, что этих самых сказок не существует. Я верю в силу воли, в работу над собой, в умение вставать после падений.

И именно этому я учу. Цинично? Возможно. Эгоистично?

Безусловно. Но это работает — в отличие от всех этих «полюби себя» без инструкций. И этот этап я тоже проходила.

— Следующий шаг, — я хлопнула в ладоши, возвращая аудиторию в реальность, — составить список из трёх вещей, которые вы давно хотели сделать, но откладывали «до лучших времён». Лучшие времена не наступят — их нужно создавать.

Женщины потянулись за блокнотами. Кто-то неуверенно начал писать, кто-то замер в раздумьях.

Я отошла к окну, наблюдая за ними. Рядом появилась Зина, миленькая девочка, двадцати пяти лет, с короткой стрижкой и непослушными выющимися волосами. Она работает со мной уже второй год.

— Вот, я опубликовала посты и сторис, — тихо заговорила она, показывая мне мой страницу в соцсетях. — Аудитория в восторге. Некоторые уже спрашивают когда будет ещё один мастер-класс.

— Не хочу я больше живых, Зин, — отвечаю я девчонке. — Мне удобнее онлайн.

— Так, Вэл, мы договаривались, что женщины должны тебя видеть в живую. Пускай это не так выгодно, как онлайн-вебинары, но аудитория любит такое общение, — начинает повторять свою заученную мантру Зина и тут на весь зал раздаются уверенные тяжёлые шаги.

Перевожу взгляд в сторону выхода и замечаю мужчину. Уверенный шаг, строгий костюм, но по его выражению лица

видно, что либо костюм его бесит, либо его сейчас стошнит. Шовинист — это точно.

Ухоженная, почти седая борода, широкие плечи, на которых пиджак вот-вот треснет, широкие скулы, колючий взгляд, которым он уже просканировал зал, даже с шагу не сбившись и уверенно подошёл к одной из женщин в последнем ряду.

Он слова не сказал, а она втянула шею так, что у меня всё сжалось внутри от гнева и боли. Уверенно зашагала в их направлении, замечая, как он уже вздёрнул девушку, а это именно молода особа, со стула и развернул на выход.

В зале гробовая тишина. Такие мужики всегда привлекают внимание. Опасные, уверенные в себе, считающие, что всё принадлежит только им. И женщины реагируют на него повинувшись природным инстинктам.

Останавливаюсь ровно перед ним и сложив руки на груди смотрю с вызовом.

— Простите, — виновато шепчет девушка-блондинка, смотря на меня огромными глазами, в которых столько боли и обиды, что мне хочется этого козла казнить на месте. — Мы уже уходим.

И вот тут я впервые по-настоящему смотрю на него. На этого самца, который считает, что имеет право распоряжаться женщинами как вещами. Широкие плечи, которые пиджак едва сдерживает. Седая борода, аккуратно ухоженная. Скулы, которые можно резать. И глаза... Серые, холодные, но

в них такой огонь, что на секунду, всего на чёртову секунду, во мне что-то дрогнуло.

Нет. Это недопустимо. Я не из тех, кто ведётся на альфа-самцов.

— Занятие ещё не закончено, — добавляю чётко, держа зрительный контакт.

Он смотрит на меня так, будто видит насквозь. Будто знает каждую мою слабость. Уголок его рта приподнимается в насмешливой полуулыбке.

— Мадам, — голос низкий, бархатный, с опасными нотками, от которых по спине пробегает предательский холодок. — Вам лучше вернуться на своё место и продолжить пудрить мозги своим курицам...

Всё. Он переступил черту. Точка невозврата преодолена успешно.

— Милая, — обращаюсь к блондинке, не отводя взгляда от этого типа, — ты знаешь, какие самые болевые точки у мужчин?

Вижу, как в его глазах мелькает что-то похожее на удивление? Интерес? Он чуть наклоняет голову, изучая меня по-новому. Уже не как надоедливую муху, а как... противника? Или что похуже?

— Самолюбие и яички, — отвечаю я с милейшей улыбкой. — По чему будем бить первому?

Тишина в зале звенит. Женщины замерли. Даже Зина перестала дышать.

А он... Он смеётся. Коротко, хрипло, и этот звук заставляет что-то сжаться внизу живота. Чёрт.

— Ты только что совершила ошибку, красавица, — произносит он тихо, но каждое слово — как удар. Делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю. — Знаешь, что бывает с теми, кто бросает мне вызов?

— Им наконец-то везёт в жизни? — парирую я, хотя сердце колотится как бешеное.

Его губы растягиваются в хищной улыбке.

— Они узнают, что такое настоящий мужчина.

Глава 2

Ужин почти готов, но нужно ещё немного потомить мясо. Запахи просто непередаваемы: специи и пряности, кисло-сладкий соус, приготовленный моими драгоценными ручками, бокал красного на столе, а лёгкая классическая музыка наполняет кухню и гостиную уютом.

Проверяю мясо в духовке, втягиваю непередаваемый аромат и, развернувшись, беру бокал, чтобы насладиться терпким, кисловатым вкусом сухого красного. Мне нужно вытравить из себя сегодняшние образы. Особенно этот мастер-класс, который не просто стал шедевром моего коучинга, но и разлетелся уже по соцсетям.

Вот же орангутанг недоделанный! Я узнаю, кто такие настоящие мужчины, значит. Не волнуйся, милый, ты к этому отряду парнокопытных не относишься. Прикрываю глаза, чтобы успокоить свою фантазию, а то мясо сегодня и так страдало от моих рук. И тут...

«Из-за леса выезжает конная милиция,
Становись-ка, девки, раком — будет репетиция!»
(Прим. автора: частушки, группа «Сектор Газа»)

Вино вылетает изо рта обратно в бокал, иначе я бы точно подавилась. Частушки продолжают орать на весь дом, безжалостно разрушая мой вечерний релакс. Вытираю подбородок и с убийственным выражением лица смотрю в сторону, от-

куда доносятся эти звуки.

— Костя! — ору на всю квартиру, и в этот момент понимаю: я сейчас буду убивать. Буквально. Нет — фигурально. Может, чуть-чуть буквально.

Тело срабатывает быстрее мозга: я уже лечу по коридору, как разъярённая фурия. А мозг тем временем судорожно пытается привести хоть какие-то аргументы в пользу одного конкретного подростка, который явно попутал берега.

— Мам, я случайно! — доносится голос сына из комнаты. Я замираю на секунду. Случайно? Серьёзно? Случайностью здесь и не пахнет — это спланированная диверсия.

— Выключи! — рыкаю я и решительно подхожу к его комнате.

И тут моего слуха касаются не только частушки, но и отборные маты уже от самого Кости.

— Да ты совсем обалдел?! — уже по-настоящему рычу я и врываюсь в комнату.

Сын жмёт кнопку на системном блоке, как раз на самом интересном месте, где рассказывается, как выживают на севере. Экран гаснет. Костя подскакивает с высокого кресла и становится перед компьютерным столом, смотря на меня извиняющимся взглядом. И нагло, обезоруживающе улыбается.

Так, Валя, вспоминаем, что ты приличная, воспитанная женщина тридцати восьми лет от роду. Ты себя сделала сама, прошла через измены, увольнения и экзистенциальный

кризис и сейчас... это просто очередной момент взросления твоего сына. Глубокий вдох. Считаем до трёх. Держим лицо.

— Мамочка, ты такая красивая сегодня, я тебе говорил? — начинает Костя и быстро подходит ко мне, загораживая моему взору всё, кроме своей наглой обаятельной физиономии.

— Константин, я тебя сейчас за уши оттаскаю, — всё ещё не могу прийти в себя. И что меня так взбесило, спрашивается? Ой, этот момент я пока опущу. Разбираться с эмоциями будем позже, когда он уснёт.

Смотрю на своего сына, который уже на полголовы выше меня. Вспоминаю, как совсем недавно он был крошечным комочком, а теперь вот — почти взрослый мужчина. В груди что-то сжимается, но я тут же отталкиваю сентиментальность.

— Знаешь что, герой? — я скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть грозно. — За такое преступление против моего вечера полагается наказание.

— Какое? — сынок делает огромные глаза, а я понимаю, что начинаю оттаивать, так что нужно быстро придумать наказание, а то в моей голове, вместо Моцарта, продолжают звучать эти самые частушки.

— Ты сейчас идёшь на кухню, помогаешь мне накрывать на стол, а потом мы вместе ужинаем. И без фокусов, — строго говорю и смотрю Косте в глаза. — А ещё я горю желанием узнать, как у тебя обстоят дела с учёбой.

— Ладно, мам. Пойдём ужинать. И... прости, что испортил атмосферу, — сыночек расплывается в улыбке, но я вижу, как начинают бегать его глаза.

Я вздыхаю, понимая, что ждёт меня ещё один сюрприз. Если мой мальчик так грубо уходит от темы учёбы, значит ждёт меня непередаваемый сюрприз.

— Константин, ты ничего мне сейчас не хочешь сказать? — всё же лучше получить всю порцию информации перед тем, как пища попадёт в желудок.

— Мам, ты лучшая, — говорит мой мальчик и крепко обнимает меня. — И я ужасно голоден.

Костя ловко разворачивает меня спиной к себе и подталкивает к двери. Глубоко вдыхаю и пытаюсь убедить себя, что это проблема всех матерей одиночек. Особенно в период взросления чад.

— И ты моешь посуду, — добавляю я, как только вхожу на кухню.

— У нас есть посудомойка, мамуль, — нагло улыбается мой мальчик и уже подходит к шкафу и ловко достаёт тарелки.

— Костя, я должна знать к чему мне готовится, — пытаюсь говорить ровно, а взгляд цепляется за недопитый бокал.

Ох, что-то мне подсказывает, что мало мне будет одного сегодня.

— Мамуль, ничего страшного не произошло, — совершенно спокойно заявляет сын, но я замечаю, какой он взгляд

бросает в мою сторону.

— Костя, — давлю голосом.

Но тут из коридора доносится звук моего мобильного. И я замечаю, как мой сынок выдохнул с облегчением. Вот же засранец!

— Мы не договорили, — тычу в его сторону пальцем и иду в коридор.

Замечаю имя Катюхи, мой подруги, на экране и успеваю поднять трубку в последний момент.

— Валечка! — в трубку раздаётся облегчённый визг-всхлип, а я у меня всё переворачивается внутри от её голоса. — Спаси, пожалуйста, — последнее она уже шепчет, а на фоне я слышу мужские грубые голоса.

— Ты где? — успеваю задать вопрос, но тут же слышу крик Кати, который отдаляется с той стороны. — Катя!

— Я так понимаю ты та самая спасительница, которая готова прикрыть жопу своей подружки, — в трубку неожиданно раздаётся холодный, низкий и до странности знакомый, мужской голос. — У тебя полчаса, чтобы явится в её студию. Иначе твоя подруга пойдёт по рукам. И не вздумай ментам звонить.

По телу пробегает озноб, а с той стороны уже нажали отбой. Осматриваюсь вокруг, пытаюсь понять, что делать.

— Мам, что случилось? — рядом появляется сын, а я понимаю, что кажется мой спокойный ужин после рабочего дня закончился не начавшись.

Или это кто-то проклял мой день?

Глава 3

Такси останавливается у фотостудии Кати. Сердце колотится где-то в горле, адреналин пульсирует в висках. Я не вижу скопления машин, всё выглядит обычно, но внутреннее чутьё кричит: что-то не так.

Нет, я не настолько безумна, чтобы ехать одна. Группа поддержки уже в пути — Кира подняла своего отца-подполковника. Но пока они доберутся, с Катей может случиться всё что угодно.

— Вы выходите? — раздражённым голосом спрашивает таксист.

— Да, спасибо.

Выхожу, проверяю оплату. Машина срывается с места, будто водитель почувствовал неладное. Умный мужик.

Поднимаю взгляд на здание старой фабрики — «Арт-фото» светится неоновыми буквами. Набираю воздуха, тянусь к тяжёлой двери и...

Мобильный взрывается звонком. Чуть не подпрыгиваю.

— Мама дорогая! — шипящим шёпотом выдыхаю, хватаясь за грудь.

Смотрю на экран. Папа. Конечно же.

— Ты где? — строго спрашивает он вместо приветствия.

— И тебе привет, — выдыхаю. — Приехала к Кате.

— Валя, ну сколько раз тебе объяснять? Нельзя прилич-

ным девочкам шастать по городу ночью! У тебя сын растёт! На кого его оставишь, если что?

— Папа, я тебя очень люблю, но сейчас не готова к лекции по безопасности. — Мягко, но твёрдо останавливаю его. А потом до меня доходит. — Костя.

— Что сразу Костя? При чём тут мой внук? — папа делает невинное лицо голосом. — Я просто интересуюсь, как дела у моей единственной дочери!

— Твой внук всё же получит по шее за то, что сдаёт мать, — спокойно отвечаю.

— Валюша, не дружила бы ты с Катей. Она курит.

— А ещё и пьёт, — так же тяжело вздыхаю. — И я тоже пью. Иногда. Вместе с Катей.

— Валентина!

Время идёт. Катя ждёт.

— Потом перезвоню, папуль. Не волнуйся, к одиннадцати буду дома.

Отключаюсь, прячу телефон. Закрываю глаза, концентрируюсь. Сейчас мне нужна вся моя сила. Вся моя уверенность.

Дёргаю ручку — дверь поддаётся легко. Слишком легко.

Вхожу. Запах пыли, краски и чего-то тревожного. Прислушиваюсь — вдалеке мужские голоса, грубый смех. И тихий, надломленный голос Кати.

Сжимаю кулаки, иду по коридору. Каждый шаг отдаётся эхом.

Заворачиваю за угол — и замираю.

В просторном зале среди разбросанного фоторежиссуры стоит Катя. Бледная. Дрожащая. За её спиной — двое здоровяков в чёрных куртках. А перед ней...

Мужчина в белой рубашке держит её за волосы на затылке, заставляя смотреть ему в глаза. Что-то шепчет. Катя вся сжалась, как загнанный зверёк.

Ярость обрушивается волной.

— Привет, Катюш, — мой голос звучит на удивление весело, хотя руки дрожат от желания вцепиться этому типу в глотку. — Смотрю, тебе здесь весело.

Все трое оборачиваются. Охранники дёргаются в мою сторону, но тот, что держит Катю, останавливает их коротким жестом.

Он отпускает подругу и разворачивается ко мне. А я замечаю слишком знакомые черты лица у этого типа. Не бывает так, чтобы кто-то был очень похож друг на друга в одном городе, да ещё и в один день.

— О, а вот и твоя спасительница пожаловала, — ухмыляется он. — Ну, заходи, не стесняйся.

— Матвей, не трогай...

— Чш-ш-ш, — он оборачивается к Кате и она снова сжимается в комок, а этот Матвей касается её губ и надавливает с силой на них.

Ах ты сволочь! Набираю в грудь побольше воздуха и подхожу к столу с реквизитом — кастрюли, сковородки, половники. Ни одного ножа, конечно.

— Боже, сколько любезности, — с ядовитой сладостью отвечаю.

Оцениваю силы. Трое мужиков. Я одна. Шансы стремятся к нулю, но отступить не собираюсь.

— Мужчины, если здесь такие имеются, — произношу ровно, — вам что нужно от прекрасной девушки?

Матвей смотрит на меня с презрением.

— И это твоя спасительница, Катя? Эта коза мелкая?

Внутри взрывается. Беру сковородку, взвешиваю в руке. Отличная штука. Тяжёлая, удобная. От черепа отскакивать будет красиво.

— Мужчины, в вашем случае очень опрометчиво недооценивать женщину, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Знаете, что самое печальное сейчас?

— Валь, не надо, — шепчет Катя.

— Ну что вы мне все сегодня говорите, что мне надо, а что нет! — взрываюсь я.

И тут...

Воздух меняется. Будто кто-то выкачал всё тепло, всё спокойствие. За спиной вырастает присутствие — мощное, опасное, горячее.

Запах дорогих мужских духов окутывает. По коже бегут мурашки.

— У меня кто-то за спиной? — спрашиваю, не оборачиваясь, глядя на замерших мужиков.

Катя бледнеет ещё сильнее. Охранники тянутся к кобу-

рам.

— Я твой новый учитель, красotka, — низкий, бархатный голос прямо у уха.

Замираю. Этот голос... Я узнаю его. Тот самый мужик из мастер-класса. Игнат.

Оборачиваюсь. Медленно. И забываю как дышать.

Это Он. Вот только в полумраке фотостудии кажется ещё выше, шире в плечах, и эти черты... вот кого напомнил мне этот Матвей. Костюм сидит идеально — дорогой, сшитый на заказ. Серые глаза смотрят с холодным любопытством. Борода с проседью. Стильная стрижка. И эта улыбка... Такая же, как и на мастер-классе. Хищная. Обещающая. Опасная.

— Для учителя вы слишком обделены интеллектом, — выдавливаю, хотя сердце колотится, как сумасшедшее.

Несколько секунд я просто плююсь на него. Он это замечает — его улыбка становится шире.

— Интеллект — такая странная штука, — отвечает он, небрежно проводя рукой по волосам. Я невольно сглатываю, и он это видит. — И сейчас он немного подводит тебя, красавица.

Кивает на сковородку в моей руке.

— Ну что вы, — выдавливаю улыбку, подбрасываю сковороду, прокручиваю. Ловлю обратно, хотя пальцы онемели от напряжения. — Мой интеллект меня ещё ни разу не подводил.

— Всё бывает в первый раз, — голос довольный, почти

ласковый.

Он делает шаг ко мне.

Всё внутри кричит: беги! Но я не из тех, кто бежит. Да и один раз я уже отступила. Сейчас не дождётся!

Каждый нерв в теле реагирует на этого... самца. Да, именно так. Опасного, охренительно шикарного самца. И это пугает больше, чем угроза физического насилия.

Я давно не реагировала на мужчин так. Годы самостоятельности, ответственности, борьбы выработали привычное безразличие.

Но сейчас...

— Зачем явился, Игнат? — холодно бросает Матвей.

— Решил помочь брату, — не отводя взгляда от меня, отвечает Игнат. — А ещё заметил здесь такой сюрприз в виде Валентины Королёвой.

— Мы с вами не знакомы, мужчина, — отрезаю, но голос предательски дрожит.

— Я здесь прошлое встретил, — бросает Матвей.

— А я — будущее, — усмехается Игнат, и в его взгляде столько обещаний, что внутри всё сжимается.

За его спиной появляется ещё один громила.

— Босс, там менты пожаловали, с группой захвата.

Игнат не отводит взгляда.

— Как интересно, — тянет он, прищуриваясь. — Твоя работа, красавица.

Это не вопрос. Это констатация. И почему-то он... дово-

лен?

— Давай на выход, брат, — холодно бросает Игнат. — Потом будешь выяснять отношения.

— Заткнись! — рычит Матвей, но подчиняется.

Проходя мимо, он бросает последний взгляд на Катю. В его глазах что-то мелькает — боль? Ярость? Сожаление?

— Чёрный выход налево, — добавляет Игнат.

Матвей молча уходит.

А Игнат остаётся. Наклоняется ко мне — так близко, что чувствую тепло его дыхания на своей коже.

— До встречи, красавица, — шепчет прямо в ухо.

От его голоса по телу разливается жар.

— Сомневаюсь! — огрызаюсь, зажмуриваясь.

Слышу низкий смешок. А потом — только исчезающие шаги.

Тишина обрушивается на студию. Катя икает от стресса, и я вздрагиваю.

— Катя, блин! Это что было?!

Но договорить не успеваю.

— Всем оставаться на местах!

Топот ботинок. Бряцание снаряжения. Группа захвата врывается в студию.

Мы с Катей синхронно поднимаем руки.

И вот между спецназовцами протискивается Кира. Один из мужиков хватает её за руку — она одаривает его таким взглядом, что тот моментально отпускает.

— Я не поняла! А где угроза?! — начинает отчитывать нас Кира, подходя. — Вы знаете, что мне папа сделает?!
— Кир, давай мы дяде Гене сами всё объясним...
Но Катя опускается на пол и начинает рыдать.

Глава 4

— В машину! — строго произносит тот самый мужчина, который ещё полчаса назад отчитывал Киру и на что получил только шипение от нашей подруги и холодный, испепеляющий взгляд.

Выше среднего, плечистый, в чёрной форме с разными штуками, висящими на нём, как бусы. Я даже называть не хочу, да и не могу всё это. Хотя вполне себе симпатичный. Такой... Как бы это правильно сказать? Мужик! Я их столько уже видела за свою жизнь, что иногда кажется: нормальных в мире не осталось. Но вот такие экземпляры доказывают, что ещё есть индивиды, которые одним взглядом, выражением лица, позой — не то что говорят, а кричат: «Дорогуша, сегодня будет так, как я сказал!»

— Сами доберёмся, — отвечает Кира, а мы с Катей нервно хихикаем.

Всё-таки стресс на каждого по-своему действует. И как только наступает откат, наступает момент самых интересных проявлений эмоций.

— Я Петровичу сказал, что доставлю тебя домой. Так что будь добра, неси сюда свой шикарный зад — и едем домой, — этим голосом можно как убивать, так и приносить удовольствие.

Эх, кажется, я немного ошиблась в расчётах. Судя по то-

му, что этот вроде и взрослый мужчина, да ещё и при такой работе, совсем не понимает, что взрослой женщине, которой уже тридцать пять годиков исполнилось, не стоит приказывать в таком тоне, — удовольствия не видать. Ни ему, ни нашей Кире.

— Я с папой уже поговорила, Кай!

— Кира, а может, ты всё же прокатишься с мальчиком?
— предлагаю я и даже подмигиваю подруге, которая бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Ты на чьей стороне, Валь?! — возмущается Кира.

— Ну, судя по тому, как сегодня сошлись звёзды, я на спасительной стороне своей задницы, — спокойно отвечаю, но Катю продолжаю придерживать за плечи.

— Кира, усаживай своих подруг в машину, — в этот раз он говорит уже чуть мягче, но то, как ходят скулы и напряжено всё тело, прямо кричит, что эта порция доброты явно последняя.

— Ты смотри, какой культурный, — хмыкаю я.

И что-то мне подсказывает, что этот мужик не просто так командует сейчас. Да и то, как он прожигает нашу Киру взглядом, оставляет после себя столько вопросов, что даже страшно. Это что за время такое у нас настало? Что за повышенная всхожесть тестостерона? Мы же вроде городские дамы, а урожай начинаем собирать, будто все дружно переехали в деревню.

— Кир, давай позволим кавалеру нас подвести, — веду

Катю под руку и, подойдя к подруге, беру и её тоже. — Ты видишь, он не превращается в пепел. Значит, твои способности дали сбой. Но у тебя есть ещё две попытки. Помнишь поговорку «Бог любит троицу»? Вот и попробуешь ещё, только чуть позже.

Кира смотрит на меня, сощулив свои красивые глазки, а я подмигиваю. Вот только меня всё не покидает странное чувство, что за мной кто-то следит. Даже не так: на меня точно кто-то смотрит. И это не один из тех мальчиков, которые покидают это место встречи.

Медленно оборачиваюсь, стараюсь осмотреться вокруг, но вечер будто специально прячет от меня все взгляды. Так, будем считать, что это просто разбушевавшееся воображение. Да и день сегодня странный!

— Ну ладно, — вздыхает Кира и, подойдя к задней двери машины, открывает её, игнорируя приглашающий жест того самого Кая. — Садитесь, девочки. У нас сегодня бесплатное такси.

— Вперёд сядешь, — грозно рычит Кай, на что получает только закатанные глаза от Киры.

Он начинает материться. И пускай старается делать это тихо, но зато как витиевато и завораживающе, что прямо внутренняя женщина тихо радуется такому выходу.

Но пока Кай отходит от машины и даёт поручения парням из своей группы, я оборачиваюсь к Кире, которая смотрит сейчас исключительно прямо и дышит, как паровоз.

— Рыбка моя, вуалехвостая, а ты случайно не забыла, что тебе не восемнадцать и что взрослые девочки должны держать свои эмоции под контролем? — спрашиваю тихо, но уверенно.

— Валь, выключи свою психологическую натуру и не беси меня, — вот вроде и грубо отвечает эта дурёха, но столько отчаяния и обиды в её голосе, что мне даже страшно становится за подругу.

— Я сделаю вид, что обиделась, а ты подумай над тем, почему именно этот мужик тебя так выводит из себя, — по-доброму отвечаю и даже улыбаюсь Кире. — В последние лет десять я вообще не видела тебя вот в таком скачущем и возбуждённом состоянии.

Кира прикрывает глаза, делает несколько вдохов и переводит взгляд на нас. Видно, что она уже почти взяла себя в руки и вновь вернула себе образ холодной стервы, но что-то мне подсказывает — это ровно до того момента, пока салон автомобиля не наполнился запахом этого Кая.

— А я вот совсем не поняла, зачем я поднимала папу, целую группу захвата, а в итоге никого не оказалось здесь! От кого тебя спасти нужно было, Кать? — Кира внимательно смотрит на Катю, которую мы усадили между нами, и игнорирует мои выразительные взгляды.

— Вот мне тоже очень интересно, это кто такие были, Катюш? — спрашиваю я и мысленно стараюсь вытравить из головы образ этого Игната.

— Девочки, — всхлипывает Катя и по очереди смотрит на нас. — Давайте я успокоюсь...

— Ты уже спокойна! — в один голос перебиваем Катю.

Она вздрагивает и опускает голову, смотря на свои руки. Её пальцы подрагивают, а дыхание становится прерывистым. Что-то подсказывает мне, что ответ на вопрос нам не понравится, но мне бы понять, что это за мужчины, которые сегодня целый день раздают мне разного рода обещания.

— Катя, говори сама, — строго произносит Кира. — Иначе я сейчас буду искать способ самостоятельно искать ответы.

— Это Волковы были, — тихо, на выдохе произносит Катя.

И если я пока немного теряюсь в её ответе, то вот Кира смотрит на нашу подругу самым натуральным, охреневшим видом!

— Кать, ты охренела? — шепчет Кира, заставляя меня напрячься.

— Мне кто-нибудь объяснит, кто это такие или нет? — строго спрашиваю я, привлекая внимание девочек.

— Бандиты, если тебе подойдёт такое определение, — отмахивается Кира от меня, но взгляд от Кати не отводит.

— Это я и без вас поняла, если что! — хмыкаю я, понимая, что начинаю раздражаться.

— Это они раньше были бандитами, Кир, — шепчет Катя. — А сейчас они уважаемые бизнесмены. Те, кто...

— Как мозоль на члене для моего папеньки! — теперь только Кира перебивает Катю.

— Какое интересное сравнение, — закатываю глаза, а сама снова представляю образ этого Игната перед собой.

— Ты каким боком попала на радары этих Волковых? — спрашивает Кира у Кати.

— Когда-то... В общем... — начинает заикаться Катя, и я беру её за руку, чтобы сжать и попытаться хотя бы так успокоить. — Я когда-то встречалась с Матвеем.

— Это тот, который стоял возле тебя?

— Ты что делала?! — Кира выпаливает одновременно со мной.

А Катя только крепче глаза прикрывает. Но тут дверь в машину открывается, и за руль садится Кай, как его назвала Кира, и напряжение вокруг резко меняет свой полюс. Мы с Катей одновременно переводим взгляд на Киру, которая инстинктивно втягивает в себя тяжёлый запах парфюма мужчины, и видно, как стискивает челюсть.

Боже, я, кажется, не тем сегодня проводила мастер-класс. Нужно было своих девочек собирать и с ними разговаривать.

Глава 5

Подъезжаем к дому уже ближе к полуночи. Я знаю, что Мот здесь. Охрана уже доложила. А вот то, что этот debil не успел вернуться, как полез выяснять свои старые отношения, нервирует.

И пускай мы не в том возрасте, чтобы махать кулаками по первому же косяку, но сейчас хочется разок ему съездить по наглой роже, чтобы он вспомнил, куда вернулся. И что эта за граница слишком испоганила характер не только брата, но и нашей младшей сестрёнки.

И вместо того, чтобы решать свои проблемы, которые начали самым паскудным образом подкидывать те, кто забыл, что даже если современный мир заставляет всех работать и жить совершенно по другим законам, к которым я привык, есть методы, которые я с удовольствием вспомню, вот только мне пришлось искать своего братца и сестру.

Вхожу в дом и в коридоре сразу же натываюсь на двоих парней из охраны брата. Они подбираются, напрягаются, и один из них снова тянется к кобуре. Вскидываю вопросительно бровь на это движение и, заметив, как тот бледнеет, хмыкаю и, разувшись, прохожу в сторону кухни, где гремит посуда.

Замечаю брата, который пытается воевать с кофемаши-

ной, и мысленно наслаждаюсь тем, что у него ни черта не выходит. И всё же взбучку он получит.

— В розетку воткнуть не забыл? — спрашиваю и складываю руки на груди.

Мот резко оборачивается и смотрит на меня зло. Ну, впрочем, другого я и не ожидал.

— Тебя кто просил вмешиваться, Игнат? Или ты так привык здесь командовать, что решил и ко мне своё жало сунуть? — холодным, злым взглядом окидывает меня брат и копирует мою позу.

— Брат, — спокойно начинаю я и, лениво оттолкнувшись от стены, подхожу к высокому барному стулу, снимаю пиджак и вешаю на спинку. — Ты, кажется, что-то перепутал, — продолжаю я всё тем же тоном и, расстегнув запонки на манжетах, закатываю рукава рубашки. — Ты только вернулся, но тут же решил пробежаться по бабам. А я думал, что ты ума наберёшься за границей.

Подхожу к Моту, который так и стоит возле кофеварки. Смотрю на брата и пытаюсь отыскать в себе хотя бы какие-то тёплые чувства. Прогоняю на перемотке всю свою жизнь, и кроме отголосков детских забав, тёплых воспоминаний не вызывает ничего.

— А ты, смотрю, стал как наш папаша, — дерзко говорит брат, а во взгляде читается ненависть.

— Перегибает, Мот, — холодно отрезаю, но на брата это не действует.

Чую нутром, что ему охота всё же помахать кулаками. Вот только я не в настроении. Да и в психологи не нанимался. А вот то, что отца приплёл, перебор уже.

— А что так? Правда глаза колет? Да ты не парься, — скажется Мот и хлопает меня по плечу. — Я не в обиде. Кто-то же должен был побольше этого дерьма выхватить из нас троих. Кровь не водица...

Шаг и я уже стою почти вплотную к брату. Желание вырубить его одним ударом настолько высоко, что мне требуется несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Мот не отводит взгляд. Он ждёт, что я сейчас сорвусь и отмудохаю его.

Когда-то я дал себе слово, что не стану таким, как отец. Хотя не мне его судить, но такой жизни, которая была у нас троих, никому не пожелаешь. Нас трое, но у нас у всех было три разных матери. И каждая из наших матерей сначала думала, что сорвала джек-пот, а по итогу только осколки собирала. Жаль лишь маму нашей Адели. Она умерла при родах. И этот орущий комочек когда-то оказался в нашем доме. Но это другая история. Проблема в том, что эти орудия, только уже не комочки, а взрослые люди, делают мне нервы!

Тишина начинает давить, будто свинцовая плита. Слышу только своё дыхание и тиканье часов в коридоре, что ведут отсчёт до взрыва.

— Ты всё ещё думаешь, что это игра? — мой голос звучит низко, почти шёпотом, но в нём столько стали, что Мот невольно дёргает кадыком.

— А ты решил, что если вырвал меня сюда, я буду сидеть и слушать тебя, как верный пёс? — огрызается Мот, и я перестаю видеть в нём серьёзного бизнесмена, которым он есть за границей.

Передо мной стоит какой-то обиженный пацан!

— Закрой рот и слушай старших! — отбиваю его выпад, и замечаю, как Мот сжимает кулаки. — Те, кто подкинул нам проблемы, не шутят. Они уже показали зубы. И если ты будешь продолжать вести себя как сопливый пацан, пострадаем не только мы.

Брат усмехается, но в глазах мелькает тень сомнения. Он делает шаг назад, опирается на столешницу и скрещивает руки на груди. И это он меня только что сравнивал с отцом? Да в нём больше от нашего родителя, чем в любом из нас.

— И что ты предлагаешь? Вспомнить батины методы? — скалится Мот, но вижу, как начинает соображать. По взгляду, по позе. — Или ты вырвал нас с сестрой сюда, чтобы задницу свою прикрыть и не парится за нас? А сам пойдёшь крушить и гасить всех?

Я делаю глубокий вдох, считая до пяти. Внутри всё кипит, но я не позволю эмоциям взять верх.

— Я предлагаю вспомнить, что мы — семья. Да, дерьмовая, да, с гнильцой, но больше у нас никого нет. Пока мы грызёмся друг с другом, они выигрывают. А я не собираюсь проигрывать. Ни им, ни тебе, ни самому себе.

Мот молчит. Впервые за весь насыщенный разговор его

взгляд теряет часть агрессии. Он смотрит на меня, потом на кофемашину, которую так и не смог включить, и неожиданно коротко хохочет, вот только и горечь читается в этом смешке.

— Ну и загнул, братан. Прямо как отец в лучшие годы.

— Не сравнивай, — резко бросаю я. — Я не он. И никогда им не стану. Но кое-что я у него научился: когда враг у ворот, сначала разбираемся с ним, а потом уже делим территорию.

Брат проводит рукой по лицу, взъерошивает волосы. Видно, что он устал, и больше не физически, а морально. Да Впрочем, как и я.

— Ладно, — наконец говорит он. — Допустим, ты прав. Что дальше?

Я подхожу к кофемашине, нажимаю нужные кнопки и она начинает урчать и выдавать ароматную порцию кофе.

— Для начала ты мне расскажешь, какого ты хрена попёрся с эту студию, — спокойно говорю я и протягиваю брату чашку с кофе. — И уже исходя из твоих ответов, мы перейдём к плану. У меня есть пара идей, как показать этим ребятам, что Волковы ещё не вышли из игры.

— А ты ничего не перепутал? — спрашивает Мот, снова заводясь с полуоборота.

— Нет, — отвечаю ровно и делаю ещё одну порцию кофе себе. — Я должен знать с какой стороны на нас могут напасть и как надавить.

— Только давай без пафоса, ладно? — отрезает он.

— Постараюсь, — усмехаюсь я. — Но не обещаю.

Где-то в глубине дома раздаётся звон разбившейся посуды. Мы одновременно поворачиваем головы на звук.

— Это ещё что за цирк? — хмурится Мот.

— Похоже, наша младшая решила напомнить о себе, — я потираю переносицу. — И, судя по всему, она не в лучшем настроении.

Напряжение никуда не делось, оно просто сменило вектор. Но сейчас мы хотя бы смотрим в одну сторону.

Глава 6

Топот ног по лестнице. Быстрый, резкий. А потом в кухню врывается виновница образования дополнительных седых волос на моей бороде. Аделина.

Нашей малышке уже двадцать три года. Длинные блондинистые волосы растрёпаны, глаза горят праведным гневом. В руках держит осколки чашки. Видимо, в её комнату нужно пригласить горничную.

— Вы! — она тычет осколком в нашу сторону. — Вы оба — тираны! Узурпаторы! Диктаторы недоделанные!

Мот вздыхает, ставит чашку.

— Адель, успокойся...

— Не смей мне говорить, что делать! — она швыряет осколок в раковину. — Вы вытащили меня из Парижа! Из моей жизни! Из моего мира! А зачем?! Чтобы стеречь, как какую-то... какую-то...

— Принцессу в башне? — подсказываю я спокойно.

Она переводит взгляд на меня. В её глазах — смесь ярости и отчаяния. И мне даже жаль её. Но ровно до того момента, пока я не начинаю понимать, что же может ждать её, если этот контроль вдруг ослабится.

— Ты! — шипит. — Ты вообще хуже всех! Мот хотя бы пытается делать вид, что переживает! А ты... Ты просто приказал — и всё! Как будто я вещь! Как будто у меня нет права

выбора!

Я не отвечаю. Смотрю на неё спокойно. Жду, когда выпустит пар. Да и какой смысл разоряться на объяснения? Сложно доказать кому-то, что это всё ради его блага.

— Я не хочу здесь быть! — её голос дрожит. — Не хочу ваших охранников! Ваших правил! Вашего... вашего контроля! Вы душите меня!

— Адель, мы делаем это, чтобы защитить тебя, — мягко говорит Мот, делает шаг к ней.

— От кого?! — она отступает. — От жизни?! Я хочу учиться! Хочу встречаться с людьми! Хочу ходить на эти... эти мастер-классы!

— Ты сегодня была на мастер-классе? Не понравилось разве? — спрашиваю ровно.

— Ты всё испортил! — Адель всхлипывает, а голос становится до раздражения визгливым. — Припёрся туда и опозорил меня на весь интернет! Потому что тебе плевать! Вам обоим плевать, чего я хочу!

— Аделина, — голос Мота становится строже, — о каких мастер-классах ты говоришь?

Она закатывает глаза, а я отвечаю брату:

— Да о том самом, с которого я её привёз домой, пока ты катил свои яйца в другом направлении. И вместо того, чтобы узнать причину, какого же хрена я вас сюда вырвал, вы только проблем мне добавили.

— Я не у тебя спрашивал, — отрезает Мот, и я вижу, что

он снова заводится. — Аделина, где ты была сегодня?

— Я была на мастер-классе у Валентины Королёвой. Она — психолог-коуч. Проводит встречи для... — и вот тут Аделя немного краснеет, понимая, что сейчас сдаст себя с потрохами, а я жду. — Ну, для тех, кто хочет разобраться в себе. Найти силы. Научиться жить по-своему, а не так, как...

Она замолкает, но конец фразы висит в воздухе: «...не так, как приказывают братья». А я только хмыкаю, замечая, как Мот сжимает руки в кулаки. Контроль — не его сильная сторона.

А вот мозг уже перекачивает имя Валентины Королёвой на языке и наслаждается. И да, я уже прекрасно знаю, кто она такая, — поверхностно, но осталось совсем немного, чтобы получить всю информацию о ней. Но то, как она сегодня стояла в студии со сковородкой, как смотрела мне в глаза без страха, уже стоит похвалы.

— Ты была на каком-то сраном мастер-классе? — уточняет Мот, а я закатываю глаза.

— Да! И знаешь что? — Аделина выпрямляется. — Она единственная, кто говорит правду! Кто не врёт про то, что всё будет хорошо! Она учит бороться! Учит не сдаваться! Учит...

— Бунтовать, — подсказываю я и усмехаюсь.

— Быть собой! — огрызается она. — Но вам этого не понять! Вы привыкли всех ломать под себя! Вы думаете, что если запрёте меня здесь, я стану послушной куклой?! Нико-

гда!

Она разворачивается и уже почти выбегает из кухни, но на пороге останавливается.

— Вы ломаете меня, — тихо, почти беззвучно произносит. — Каждый день. Каждым своим словом. Каждым запретом. Я думала, когда не станет отца, я смогу дышать свободно, но вы стали ещё хуже. — А вот это уже неприятно. Но я молчу и бросаю взгляд на Мота, который тоже терпит. — Но знаете что? Я не выдержу. Я уеду. Сбегу. Но я не стану такой, какой вы хотите меня видеть.

И Адель уходит. Я слышу, как хлопает дверь её комнаты, будто ставя точку в хрупком мире семейства Волковых.

На кухне повисает давящая тишина. Мы молчим с братом, зато я чётко осознаю, какого хрена столько лет избегаю всей этой херни, связанной с семьёй, женскими соплями и так далее по списку. Слишком реально смотрю на мир, и меня всё устраивает.

— Она права, — тихо говорит Мот, и я перевожу взгляд на брата. — Мы её ломаем.

— Мы её бережём, — отрезаю.

— Разница только в формулировке?

— Разница в том, что она жива и невредима, — отвечаю и ставлю точку.

Больше не хочу слушать никаких разговоров на эту тему. А вот эта Валентина... Валя. Пробую её имя мысленно на вкус и скалюсь. Она учит этих тупых куриц, которые даже не

нюхали жизни. И если у неё получилось, то она — то исключение из правил, которое подтверждает правило: баба без сильного мужика рядом — просто красивая оболочка.

Но пока я предаюсь философским размышлениям, слышу сопение Мота за спиной. И тут его голос становится злым. Оборачиваюсь и замечаю, как брат наливает два стакана виски. Молча протягивает мне один и смотрит слишком изучающе.

— Ты серьёзно? — спрашивает и разворачивает ко мне свой смартфон, где открыта страница в соцсетях этой Валентины. — Эта психологиня — та самая подружка, которая сегодня собиралась отбиваться от нас сковородкой?

Мот хохочет, только зло и слишком довольно.

— Вот это поворот. Значит, она учит нашу сестру бунтовать? А Катюша — её подружка. — И оскал Мота сейчас точно напоминает волчий.

И кто-то мне здесь говорил о сходстве с отцом.

— Похоже на то.

— И что ты собираешься делать?

Но ответить я не успеваю, да и не собираюсь. Но в кармане вибрирует мой смартфон. Достая его и сразу же открываю почту, куда пришло письмо от моих ребят.

Валентина Михайловна Королёва.

38 лет.

Образование: психология, МГУ. Кандидат наук.

Семейное положение: разведена.

Бывший муж: Денис Валерьевич Скориков...

От этой фамилии по спине пробегает неприятный холодок, который добирается до затылка, будто мне сейчас дуло приставили к башке. Замираю.

Скориков, сука!

Этот ублюдок работает на тех, кто объявил нам войну. Один из ключевых игроков. Финансист. Отмывает бабки через сеть благотворительных фондов.

Так кто же ты такая, Валентина Королёва?

Снова фокусирую взгляд на информации и продолжаю читать:

Сын: Константин Денисович Королёв, пятнадцать лет.

Род деятельности: психолог, коуч, ведёт онлайн-курсы и мастер-классы.

Социальные сети: активна, большая аудитория (более пяти сот тысяч подписчиков).

Доход: выше среднего, самостоятельна, кредитов нет.

Связи: подруга — Екатерина Семина, подруга — Кира Лаврова, дочь подполковника Лаврова; отец — Михаил Королёв, шестьдесят восемь лет, пенсионер.

Так-так-так, сколько всего интересного — и всё это мне. Даже интересно: это кто-то так талантливо подстроил или просто стечение обстоятельств?

Но что же мы имеем: бывшую Мота, к которой он помчался. Дочь подполковника. И бывшую жену нашего врага. Не верю я в такие стечения обстоятельств.

И пока мой мозг пытается выстроить всю информацию, я листаю фотографии. Официальные — с мастер-классов. Она в строгом костюме, уверенная улыбка. Потом — личные, из соцсетей. Она с сыном. Она с подругами. Она одна, в парке, с книгой. На одном фото она смеётся. Искренне, открыто. Волосы растрёпались, глаза сияют.

Что-то внутри сжимается. Она красивая. Но не просто красивая. Живая. Настоящая. Не кукла, не манекен. Не та, которая делает всё, чтобы показать окружающим картинку, а внутри — только гниль.

Пролистываю ещё. Она в спортзале. Обтягивающая форма. Фигура... чёрт. Стройная, но с формами. Длинные ноги. Тонкая талия. Грудь, которую хочется сжать до приглушённого стоны этого дерзкого ротика, и...

Обрываю мысль. Делаю глоток виски.

— Что там? — спрашивает Мот, заглядывая через плечо. Присвистывает. — Ничего себе. А ты, братан, быстро работаешь.

Игнорирую. Читаю психологический профиль, который составила служба безопасности:

Тип личности: сильная, независимая, контролирующая.

Не доверяет мужчинам после развода. Постоянного партнёра нет и не было.

Склонна к гиперконтролю в отношениях.

Ценит свободу, самостоятельность.

Уязвимость: сын. Готова на всё ради его безопасности.

Чувствую, как сводит скулы от улыбки и напряжения во всём теле. Кто-то решил поиграть со мной. Но я люблю устанавливать свои правила.

Сильная. Независимая. Посмотрим, насколько ты будешь независимой, когда я приду за тобой, Валюша.

Возвращаюсь к фотографиям. Останавливаюсь на одной. Она в вечернем платье. Какое-то мероприятие. Платье облегает фигуру, открывает плечи. Волосы убраны. Минимум макияжа. Взгляд — спокойный, уверенный.

И я представляю, как этот взгляд меняется. Как спокойствие сменяется страстью. Как уверенность меняется на податливость. Они все независимы, пока рядом не появляется тот, кто прогнёт. И что там я сказал ей сегодня? «Буду учить»? Слов на ветер бросать не привык. Да и нужно показать тем, кто это всё устроил, что наживку я заглотил.

Вот только в моих фантазиях я уже представляю её подо мной. Раскрасневшуюся. Задышающуюся. С растрёпанными волосами и потемневшими от желания глазами. Представляю, как она произносит моё имя: шёпотом, стоном, криком. Представляю её попытки сохранить контроль — и то, как я методично разрушаю все её барьеры.

Это будет увлекательно.

Мот хлопает меня по плечу и, обойдя меня, садится напротив.

— Братан, ты там не перегрелся? — усмехается. — А то смотришь на экран так, будто собираешься его съесть. Точ-

нее, уже представил во всех подробностях, что ты сделаешь с этой сучкой.

— Заткнись, — бросаю, но убираю телефон.

Хотя мысли продолжают крутиться. Валентина Королёва. Психолог. Учительница. Контролёр.

Она привыкла учить других. Привыкла быть сильной. Привыкла не сдаваться. А я привык ломать сопротивление. И чем сильнее добыча, тем слаще победа.

Да ещё она — бывшая жена Скорикова. Это даёт мне рычаг. Он захочет защитить свою репутацию — наверняка до сих пор играет роль в её жизни.

Она мать. Сын — её слабое место. Сыграем на её поле, но по моим правилам.

Не нужно было ей так рьяно защищать Адель и эту Катю. Сидела бы тихо, как мышка, и ничего бы не было. Но она сама привлекла моё внимание. А мне нравятся сложные задачи. Мне нравятся женщины, которые сопротивляются.

И мне чертовски нравится мысль о том, чтобы увидеть её покорной — и желательно на коленях. Чтобы она сдалась. Признала и подчинилась.

А потом...

А потом я соберу её заново. По кусочкам. Но уже под себя.

— Ты чего задумался? — спрашивает Мот, слишком внимательно рассматривая меня.

— План родился, — отвечаю брату и усмехаюсь.

— Какой?

— Убить двух зайцев, — отвечаю и открываю соцсети.

Нахожу её профиль.

Изучаю посты. Комментарии. Стилль общения.

Она умная. Осторожная. Но у каждого есть слабости.

Создаю анонимный аккаунт и сразу же пишу сообщение:

«Ты сильная, красавица. Но недостаточно сильная, чтобы убежать от меня. Скоро увидимся».

Отправляю и сразу вижу, что она уже прочла.

Мот поднимается и заглядывает через плечо, читает. При-
свистывает.

— Ты серьёзно? Не староват для такого, брат?

— Не твоего ума дело, — пожимаю плечами.

— Игнат, ты понимаешь, что влезаешь в дерьмо? Ты же никогда не любил сложных баб. Она не из тех, кто просто ляжет под тебя. Оно тебе надо?

— Мне ещё раз повторить? — отвечаю спокойно.

Брат качает головой.

— Ты спятил.

— Возможно, — соглашаюсь.

Но мысли уже мчатся дальше. Эта красотка думает, что она учительница. Контролёр. Сильная женщина. Скоро она поймёт: в этой игре правила диктую я.

И урок будет жёстким.

Смотрю на её фото ещё раз. Задерживаю взгляд на изгибе
шеи, на линии плеч, на сочных губах.

Интересно, какие звуки она издаёт, когда теряет контроль? И как быстро сдастся, когда я начну настоящую охоту?

Цинично? Однозначно! Но поделаться с собой ничего не могу. Мне уже интересно, а это бывает редко.

Допиваю виски и, поднявшись, несу стакан в мойку.

— Ладно, — говорю Моту. — Рассказывай про Катю. Что там у вас было и какого хрена ты попёрся к ней? Мне нужно понимать, какие сюрпризы нас ещё могут ждать. И ты инфу по ней заказал?

Смотрю, как Мот напрягается, но начинает говорить. Но я слушаю вполуха. Потому что большая часть моего внимания уже там — где сейчас находится Валентина Королёва.

Женщина, которая не знает, что только что стала моей целью.

Моей добычей.

Моей.

И мне нравится это чувство предвкушения.

Глава 7

Стою у окна, обхватив себя руками. Город за стеклом живёт своей жизнью — огни, машины, люди. А я застыла здесь, будто в вакууме, и не могу успокоиться.

Руки всё ещё дрожат. Сердце стучит неровно. В голове крутятся образы: серые глаза, хищная улыбка, этот чёртов голос у самого уха — «Я твой новый учитель, красавица».

— Прекрати, — шепчу себе. — Это просто стресс. Адреналин. Ничего больше.

Вру себе, и сама это знаю. Потому что дрожь — не от страха. И сердце колотится не от ужаса. Это что-то другое. Опасное. Разрушительное.

И у этого опасного есть имя — Игнат Волков.

Даже оно звучит как предупреждение. Как метка на двери: «Опасно. Не входить».

Но я всегда была слишком упрямой, чтобы слушать предупреждения. Даже сейчас, когда должна выдохнуть и понять, что нас пронесло, мы все в безопасности, сердце не успокаивается.

— Мам?

Голос сына заставляет вздрогнуть. Оборачиваюсь и смотрю на Костю, который замер в дверях и смотрит с тревогой.

— Да, сынок? — улыбаюсь моему такому взрослому и та-

кому ещё маленькому мальчику.

— Ты точно в порядке? — он подходит, садится рядом на подоконник. — Просто ты какая-то странная вернулась домой.

«И в кого же ты у меня такой проницательный, сынок мой?» — думаю я, но не говорю ему этого.

— Устала просто, — улыбаюсь, поправляю ему взъерошенные волосы. — День был тяжёлый. А ты почему ещё не спишь?

— Это всё из-за тёти Кати? — игнорирует мой вопрос и смотрит слишком по-взрослому.

Киваю. Костя молчит несколько секунд, потом неожиданно крепко обнимает меня. И это чувствуется уже по-мужски, а не по-детски.

— Мам, если кто-то тебя обидит, скажи. Я разберусь.

Сердце сжимается. Мой мальчик. Пятнадцать лет, а уже считает себя защитником. Хотя у меня ещё будет с ним разговор по поводу того, чтобы не смел сдавать мать деду.

— Ты у меня герой, — шепчу и по привычке разглаживаю непослушные волосы. — Но не нужно, ладно? Мама справится сама.

Всегда справлялась. Но в этот раз... В этот раз что-то не так. Но я в этом не признаюсь никому.

Звук ключа в замке входной двери заставляет напрячься и тяжело вздохнуть. Бросаю взгляд на часы — половина третьего ночи. Но тяжёлые шаги уже раздаются по квартире:

— Валентина! Константин! Где вы?!

Костя напрягается и виновато смотрит на меня.

— Кажется, дед приехал, — шепчет он.

— Тебе не кажется, сынок, — закатываю глаза. — И об этом мы с тобой тоже поговорим.

Костя понимает, что не нужно было звонить деду, но я могу понять его стремление защитить меня.

Папе шестьдесят восемь лет, в прошлом — военный, а в настоящем — гроза всех моих попыток жить спокойно и счастливый обладатель дома за городом. И нужно же было ему примчаться среди ночи.

Он врывается в гостиную, как танк на поле боя. Высокий, седой, с выправкой, которую не сломали даже годы на пенсии. Взгляд — стальной. Челюсть — сжата.

— Валентина Михайловна, — произносит он так, будто я не его дочь, а провинившийся солдат. — Объясни мне, какого чёрта ты шаталась ночью по городу?!

— Привет, пап, — устало отвечаю. — Я тоже рада тебя видеть.

— Не увиливай! — он указывает пальцем. — Константин позвонил мне, сказал, что ты поехала спасать эту... эту...

— Тётю Катю, — подсказывает Костя уверенно.

— Эту Катю! — рычит папа. — Валя, тебе тридцать восемь лет! У тебя сын! Ты не можешь так рисковать!

— Пап, прекрати, — вздыхаю я и иду на кухню. Где-то там был мой бокал вина, который должен помочь мне.

— Ты понимаешь, что могло случиться?! — но кто остановит папу, который шагает следом и ревёт на всю квартиру, как раненый медведь? — Там могли быть бандиты! Наркоманы! Маньяки!

— Ну так от бандитов я и спасала Катю, — спокойно отвечаю и замечаю, что на кухне всё убрано, а мой бокал стоит в холодильнике.

— Что?! — ревёт отец, упираясь руками в столешницу.

— Дед, не повышай голос на маму! — неожиданно вклинивается Костя, вставая между нами. — Она помогала подруге! Это правильно!

Папа переводит хмурый взгляд на внука. А меня берёт гордость за сына.

— Константин, это разговор взрослых...

— Да без проблем! — отвечает Костя и расправляет плечи, как дед. — Только в следующий раз, когда ты снова захочешь узнать что-то о маме, ты не говори мне, что я уже взрослый и должен нести ответственность за мать.

Папа напрягается, а я застываю. Хотя и так прекрасно знала, что папа умеет манипулировать и делать так, чтобы мой мальчик чувствовал ответственность за меня и за себя.

Долбанные мужики! Но сейчас мне лучше помолчать. Вот только не хватало ещё одного выяснения отношений. Не готова к этому совершенно.

Но я смотрю на сына и чувствую, как в груди разливается тепло, гордость, а ещё — страх. Потому что он слишком

быстро растёт. Слишком быстро учится защищать.

Папа вздыхает и устало проводит рукой по лицу.

— Костя, я не...

— Дед, моя мама — лучшая, — твёрдо произносит сын.
— И кому, как не тебе, знать, что друзей она не бросит в беде.

Папа смотрит на Костю слишком внимательно. Потом переводит взгляд на меня. И я вижу в его взгляде смесь самых разных эмоций: гнев, тревогу, но больше всего — гордость.

— Хорошо, — наконец говорит он тише. — Хорошо, Костя. Ты прав. Твоя мама — сильная. — Переводит взгляд на меня. — Но это не значит, что она должна нарываться на неприятности.

— Я не нарывалась, пап, — устало отвечаю. — Просто... так вышло.

— Так не выходит, Валь, — он садится в кресло, вдруг резко постаревший. — И ты расскажешь мне, что там случилось, что ты сорвалась поздно ночью к этой Кате.

Вскидываю вопросительно бровь и вижу, что папа правильно понимает мой посыл: «Ты сейчас серьёзно?»

Папе это не нравится, а я, вот как противная девчонка, достаю свой бокал и делаю большой глоток вина, чтобы смочить горло.

Папа злится. Я знаю, что он терпеть не может, когда я вот так пью. Для него почему-то я осталась той самой маленькой девочкой, которую нужно всегда защищать и которая не зна-

ет слов «секс», «сигареты», «мальчики» и «выпить».

— Валя, — папа наклоняется вперёд, смотрит внимательно. — Ты же взрослая, самодостаточная женщина. Ты понимаешь, что нужно всегда оценивать риски.

— Пап, я всегда стараюсь оценивать риски, — отвечаю ему спокойно. — У меня был хороший учитель.

Но на такую грубую лесть папа только закатывает глаза, а Костя тихо хмыкает и отворачивается, чтобы дед не заметил его улыбки.

— Ладно, — отвечает папа и, хлопнув себя по коленям, поднимается. — Внук, проводи меня в комнату.

— Папа, ты что, собираешься остаться? — вопрос вырывается сам, на что папа только копирует мой вопросительный взгляд.

— Я уже остался, — непреклонно отвечает он. — Ты же не выгонишь старика на ночь глядя.

И это не вопрос сейчас.

Тяжело вздыхаю и пытаюсь понять, где же произошёл сбой, что вокруг меня снова что-то рушится в отлаженном механизме жизни.

Костя идёт проводить деда в комнату, и я слышу тихий вопрос:

— Константин, к маме кто-то из мужчин приходил?

Боже! Ну за что мне это? Я же вроде наоборот помогаю людям. Так почему же эти люди создают мне только больше проблем?

Прикрываю глаза, грея в руках недопитый бокал с вином, и снова вижу перед глазами образ Игната Волкова.

И тут слышу входящее сообщение. Подхожу к мобильному и замираю, глядя на всплывшее окно:

«Ты сильная и слишком красивая. Но этого недостаточно, чтобы убежать от меня. Скоро увидимся».

Сердце пропускает удар, а пальцы на ногах поджимаются от неожиданного электрического импульса по всему телу. И я прекрасно знаю, кто мне это написал.

Глава 8

Я не могу уснуть.

Как бы ни старалась и ни гнала от себя события прошедшего дня, вечера и ночи, всё бесполезно. Ещё час — и можно открывать глаза, а я так и не могу их закрыть.

Лежу, смотрю в потолок. Пытаюсь считать овец, вспомнить таблицу умножения и даже начинаю анализировать психологические кейсы. Но ничего не помогает.

Потому что каждый раз, как только закрываю глаза, вижу его.

Серые глаза, в которых плещется холодный огонь. Хищная улыбка. Широкие плечи. Руки, которые выглядят так, будто созданы для того, чтобы...

— Прекрати! — шиплю себе и накрываю лицо одеялом.

Встаю. Иду на кухню. Наливаю воды. Делаю несколько глубоких вдохов.

Я — психолог. Я — специалист по эмоциям. Я знаю, что это такое.

Это притяжение. Базовая биология. Феромоны. Адреналин. Тестостерон встречается с эстрогеном, и мозг взрывается фейерверками. Ничего особенного. Ничего, с чем я не справлюсь.

Да чтобы всё провалилось! И дрожь в руках сейчас согласна со мной полностью.

Вот только тело не слушается, а порхающие бабочки в животе вообще взбесились!

И каждая клетка тела кричит: «Опасно! Беги!», но одновременно с предупреждением всплывают и другие слова: «Хочу ещё!»

Нет, Валентина! Побойся бога. Тебе не пристало больше испытывать этого. Ты слишком взрослая, чтобы не справиться с гормонами и эмоциями, и слишком научена жизнью, чтобы понимать: чем опаснее противник, тем больше будет в конце.

И чтобы не дать себе времени передумать, беру мобильный, набираю сообщение, которое должна была отправить сразу:

«Вы ошиблись адресом».

Отправляю и блокирую неизвестный аккаунт. Всё. Конец истории.

Но почему тогда я до сих пор смотрю на экран? Почему жду, что он найдёт способ ответить? Почему часть меня... хочет, чтобы он ответил?

— Валентина Михайловна, это всё перенапряжение и стресс. Ты просто давно не снимала напряжение, вот и весь ответ, — говорю себе вслух.

И с этими мыслями и полной уверенностью, что мой мозг подсказал самый верный выход, возвращаюсь в спальню. Но стоит только лечь в кровать и закрыть глаза, как я снова вижу его.

Его улыбку. Его взгляд. Его голос с хрипловатыми нотками: «Я твой новый учитель».

И что-то внутри меня шевелится — что-то тёмное, глубокое, скрытое, тихо нащёптывая:

«Я бы сама тебя научила, дурачок. Но, к твоему счастью, я слишком занята».

Вот только мой собственный ответ не успокаивает, а только сильнее разжигает пульсацию внутри. И это плохо. Очень плохо.

Чтобы я сейчас ни придумала себе, прекрасно понимаю, что моё тело найдёт кучу аргументов за этого самца.

И да, я слишком хорошо и давно изучила женскую природу. Слишком много копалась во всём этом, чтобы не понимать, что со мной происходит. Это просто природа, которая берёт своё.

Даже когда самка ищет самца для своего потомства, она всегда будет искать самого сильного, ловкого и дикого. Который точно даст этому миру сильный помёт. Самка никогда не выберет слабого, потому что и её дети будут такими.

И пускай люди забыли эти законы природы, но сама природа никогда не перестанет напоминать об этом.

Так что, Валя, закрывай глаза и просто спи. Ты даже представить не можешь, что с тобой будет, если рядом появится вот такой самец. Ты сожрёшь либо его, либо себя.

И на удивление, сеанс самоанализа помогает как нельзя лучше. Мозг остужается, принося холодную, даже леденя-

щую ясность.

То, что Катя когда-то была связана с одним из Волковых, только доказывает, насколько этот подвид мужчин может быть опасным. Не стоит оно ни моих нервов, ни моего внимания.

Вот только утро совсем не согласно со мной. Сначала слышу звонок в дверь — причём несколько раз. Но это не обычные звонки от моей нервной Зины или от кого-то из соседей.

Что-то в этих звуках заставляет напрячься. Я жду, что кто-то из мужчин откроет, но потом, быстро посмотрев на часы, понимаю, что дома никого уже нет. Время — начало девятого утра. Я разбита и выжата, но просыпаться всё равно пора.

А вот за дверью не собираются уходить. И, судя по тому, что теперь ещё и постучали, даже странно, что не воспользовались ещё раз звонком.

Я уже поднялась и накинула халат, когда поняла, что дверь с тихим и совершенно нехарактерным щелчком открылась.

Сказать, что я испытала в этот момент страх, — это со-
врать. Этот дом довольно современный, и просто так от-
крыть замок не выйдет.

Вот только тот, кто сейчас спокойно и размеренно шагает по коридору, явно не согласен с тем, что эти двери не должны открываться чужакам.

А это чужак. Однозначно чужак! Я могу по шагам опре-

делить, кто идёт ко мне. И этот человек слишком уверен в себе и своей неприкосновенности.

Осматриваюсь и сжимаю зубы крепче от досады, вспоминая, что мобильный оставила на кухне, где в последний раз отвечала на странное сообщение.

Стою посреди комнаты и не могу заставить себя двинуться с места. Бежать нет смысла. Да и прятаться... Для чего? Если тот, кто вошёл в мой дом, явно знает, для чего он здесь.

Дверь в комнату медленно открывается, а моё сердце замирает. Я смотрю на то, как ручка опустилась до упора, как щель превращается в открытую дверь, и передо мной, во всей красе, появляется плод моих ночных кошмаров.

— Доброе утро, Валентина, — голос спокойный, уверенный и до оскомины раздражающий. — Не стоит отправлять в бан тех, кто может войти в дверь.

На нём неизменный костюм, который слишком обтягивает каждую мышцу его тела, верхние пуговицы рубашки растёгнуты, а в руках огромный букет жёлтых тюльпанов. Запах цветов наполняет комнату, а я начинаю нервничать.

— Как вы сюда вошли? — спрашиваю я и слышу, как голос подрагивает.

— Неправильный вопрос, — на губах Игната появляется улыбка, а сам Игнат проходит к креслу у окна и садится так, будто это я вошла в его дом, а не он.

— Уходите, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Или я вызову полицию.

Но в ответ получаю короткий, тихий смешок. По телу бегут мурашки, а невыспавшийся мозг снова подкидывает фантазии из моих дурацких снов.

— Я смотрю, у тебя особая любовь к мужчинам в форме, Валюш? — Игнат склоняет голову чуть набок, рассматривая меня. — Не хочется тебя расстраивать, но мне форма не идёт.

— Вы проникли в мой дом, а это... — не выдерживаю я его взгляда и нервно сглатываю.

— Я честно позвонил, — спокойно продолжает Игнат, разваливаясь в моём кресле так, будто это его дом. — Но ты не открыла. А я не люблю ждать.

— И поэтому вы взломали замок? — выдавливаю я, стараясь не смотреть на то, как рубашка обтягивает его грудь.

— Взломал — громко сказано, — усмехается он. — Скорее... убедил замок меня впустить.

Он протягивает букет в мою сторону, но я не двигаюсь с места. Мой мозг штормит, пытаюсь понять: бежать, кричать или... Боже, почему часть меня хочет подойти ближе?

— Не любишь тюльпаны? — спрашивает он, наклоня голову. В его взгляде мелькает что-то хищное. — Или предпочитаешь розы? Хотя нет... Ты не из тех, кто любит банальности.

— Я не из тех, кто принимает цветы от незнакомцев, вламывающихся в мой дом, — отрезаю я, скрешивая руки на груди.

Ошибка. Его взгляд медленно скользит вниз по вырезу халата, по обнажённым ключицам, задерживается на груди. Я инстинктивно запахиваю халат плотнее, а Волков медленно и довольно улыбается.

— Мы не знакомцы, Валюш, — произносит он мягко, но в голосе — сталь. А меня передёргивает от сокращения моего имени. — Вчера ты держала в руках сковородку и собиралась защищать подругу. Я это оценил, — Игнат делает слишком выразительную паузу, — и запомнил.

Сердце бьётся так громко, что я уверена — он слышит. А ещё я понимаю, что если сейчас дёрнусь и решу разбить ему голову, будет совсем невоспитанно и печально... для меня.

Глава 9

— Что вам нужно? — спрашиваю, стараясь держать дистанцию, но он медленно и плавно встаёт, как хищник перед прыжком.

— Поговорить, — просто отвечает Игнат и делает шаг ко мне.

Я отступаю больше на инстинктах, чем по собственной воле. Слишком не люблю, когда кто-то нарушает мои собственные границы. Вот только совсем не ожидаю того, что спина так быстро упрётся в стену.

— У вас есть телефон для разговоров, — выдавливаю, но голос дрожит.

— Ты заблокировала меня, — напоминает он, и в его голосе проскальзывает нотка... недовольства? — Это было невежливо.

— Вы ворвались в мой дом, — парирую я. — Это было преступление.

Он останавливается в шаге от меня. Так близко, что я чувствую запах его одеколона — дорого, терпко, с нотками кедра и чего-то тёмного, опасного. Чего-то, что снова заставляет моё дыхание ускоряться, а глаза подмечать мельчайшие детали: как двигаются его ноздри, как приподнимаются уголки губ, как расширяются зрачки...

«Валя, остановись!»

— Преступление, — повторяет он задумчиво и как-то слишком довольнo, — это привлечь моё внимание, а потом сделать вид, что тебе всё равно, Валюш.

— Слишком завышенная самооценка, — парирую я, но все психологические термины убегают в панике от взгляда этого Волка.

Я жду, что этот отличный представитель самцовости разозлится, но он только шире растягивает губы в улыбке, а в его глазах я открытым текстом читаю: «Ты не туда бьёшь, дорогуша. Там у меня всё уже давно отбито».

— Валентина, хочу тебе открыть небольшой секрет, — вроде и спокойно говорит Игнат, но его взгляд становится жёстче. — Ты влезла не в своё дело. Привлекла внимание. Моё внимание. Так что теперь у тебя только одна дорога...

По спине пробегает холодок, вот только дрожь совсем не от страха. Я жду, что он продолжит, но этот Волков слишком привык, что ему все подчиняются, и точно так же ждёт моей реакции.

— Даже интересно стало, какое же развитие событий представляется в ваших бурных фантазиях? — спрашиваю, поднимая подбородок. — Или вы пришли меня запугать?

Его губы снова растягиваются в довольной улыбке, от которой внутри всё сжимается.

— Запугать? — он чуть наклоняется, и его дыхание касается моей щеки. — Нет, красавица. Я пришёл сделать тебе предложение.

Замираю. Мозг лихорадочно перебирает варианты, но ни один не подходит. Мне нужно срочно решать возникшую стокилограммовую проблему, но запах этой «проблемы» не даёт мне сосредоточиться.

— Какое предложение? — осторожно спрашиваю я то, что сейчас кажется самым безопасным.

Игнат выпрямляется, отходит на пару шагов, давая мне пространство, но взгляд не отпускает.

— Ты умная женщина, Валентина, — начинает он, засовывая руки в карманы брюк, а я подмечаю, что он слишком напряжён. Хочет казаться невозмутимым, но почти незаметные жесты на уровне инстинктов выдают его. — Психолог. Коуч. Учишь других жить, любить себя, отстаивать границы.

— На некоторых мои уроки не действуют, — отвечаю уверенно, но внутренне настораживаюсь.

— Меня вполне устраивает, что это действует на мою сестру, — улыбается он, только вот глаза теперь остаются серьёзными. — Она в полном восторге от твоих мастер-классов.

Сестра? Та самая блондинка, которую он вчера увёл с мастер-класса?

— Она взрослая, — отвечаю осторожно. — Имеет право выбирать, где учиться.

— Согласен, — неожиданно легко соглашается он. — Вот только есть проблема.

Он достаёт смартфон, несколько движений его сильных

пальцев — и холодный прямоугольник уже у меня в руке. Я смотрю на фотографии в галерее и замечаю, что почти на каждой угадывается та самая девушка. Но она здесь не одна. На фото попадают не только девушки, но и парни, мужчины, я бы сказала. И каждый раз я вижу в них то, что заставляет челюсть сжиматься сильнее. Они смотрят на неё, как на товар.

— Аделина, — говорит Игнат ровно, забирая у меня телефон, — увлеклась свободой. Она считает, что имеет право встречаться с кем угодно. Делать что угодно. Идти куда угодно.

— Она имеет, но я не только этому учу, — отвечаю твёрдо.

— Нет, не имеет, — отрезает он, и голос становится холодным. — Не когда это ставит под угрозу её жизнь.

И я бы сейчас встала на защиту девушки, но молчу. Опыт мне подсказывает, что с такими людьми лучше вообще лишний раз рот не открывать.

— Так вот моё предложение, — голос Волкова становится предельно деловым, и он снова делает шаг ко мне. — Я хочу, чтобы ты работала на меня, — произносит он просто.

Нервный, даже истеричный смешок срывается с губ, и я не в силах его сдержать.

— Я сказал что-то смешное? — он вскидывает бровь, а я пытаюсь снова вернуть серьёзность, но что-то явно идёт не так.

Перевожу взгляд на зеркало, что стоит в углу комнаты. Мы сейчас в нём отражаемся оба. Я — в жёлтом шёлковом халате, сонная, растрёпанная, невыспавшаяся. И Игнат — в дорогом костюме, собранный; в позе читается сталь и выдержка. Даже не хочу предполагать, где он закалял себя, но послать его сейчас хочется совсем не как психологу.

— Хуже, — отвечаю я, но улыбка не сходит с губ. — Вы сказали то, что в принципе невозможно. Я не работаю на мужчин, не работаю с мужчинами и уж тем более не стану помогать вам, чтобы... А что, собственно, вы хотите сделать из своей сестры? Послушную куклу? Как-то вы не очень трезво оцениваете ситуацию.

Бью словами и вижу, что попала. Черты лица Волкова резко меняются, становясь более чёткими, даже хищными.

— Я очень трезво оцениваю ситуацию. Ты учишь женщин жить. Я хочу, чтобы ты научила Аделину слушать. Понимать границы. Видеть опасность.

— Я не работаю с клиентами, которые приходят против своей воли! — а вот теперь ты меня уже бесишь!

— Она придёт добровольно, — усмехается он. — Обожает твои курсы. Будет счастлива личным сеансам с самой Валентиной Королёвой.

— Нет, — отвечаю ровно. — Можете забирать свой веник и выходить так же, как вошли. И тихо радоваться тому, что я не собираюсь заявлять на вас.

Волков слишком демонстративно опускает голову и кача-

ет ею. Всё тело напрягается в преддверии того, что сейчас будет... громко. И это «громко» будет с моей стороны.

— Я же по-хорошему хотел, — его голос становится слишком участливым, и теперь я чувствую страх, которого не было даже тогда, когда я поняла, что в квартиру вошёл чужой.

Он снова достаёт свой смартфон, только теперь поворачивает его ко мне, чтобы я смогла рассмотреть фото моего сына. Он идёт по тротуару, на плече — рюкзак, на голове — его любимые наушники, на фоне — школа бокса, куда ходит мой мальчик.

Поднимаю взгляд на Волкова и уже не вижу в нём того, кто нуждается в помощи. Тот, кто посягает на моего ребёнка, мой враг!

— Я так понимаю, глаза вам больше не нужны, господин Волков? — и это не вопрос.

Я сама слышу, как мой голос звенит и наливается сталью и холодом.

— Я всего лишь предлагаю взаимовыгодное сотрудничество, Валентина, — вот только Волков отвечает, наоборот, довольным голосом.

И я вижу, как в его глазах снова вспыхивает огонь.

— Ты помогаешь мне и работаешь со всей отдачей, а я обеспечиваю безопасность тебе и твоему сыну, — он чеканит каждое слово, будто отменный плотник, который забивает гвозди в доски одним ударом молотка.

— А кто сказал, что мне нужна ваша защита? — спраши-

ваю тихо, но уверенно.

Повышу голос — и боюсь, что сорвусь. А это не то, что должно сейчас произойти.

— Интуиция, красавица, — так же тихо отвечает Игнат. — А меня она никогда не подводила.

И я могу сейчас фыркнуть, демонстративно послать его или и правда вызвать полицию. Вот только сердце колотится так, что его эхо разносится по всему телу, и та самая интуиция, а точнее — опыт работы с большим количеством людей, шепчет мне, что меня уже куда-то втянули.

Мозг вопит, чтобы я гнала этого Волкова куда подальше, но сердце в панике грохочет, перекрывая голос разума.

И ровно в этот момент я снова слышу звонок в дверь. Только этот звонок нервный, настойчивый, слишком непохожий ни на один из тех, что могут прийти ко мне в такой час.

А вот Игнат реагирует быстро. Он делает молниеносный шаг ко мне, прижимает к стене всем телом, давая ощутить каждой клеточкой его присутствие, накрывает рот рукой и подносит к своим губам палец.

— Тихо, — хрипло шепчет он, а большой палец начинает поглаживать меня по шее, там, где грохочет мой пульс. — Смотрю, ты любишь принимать гостей по утрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.